

Содержание

Дели, 1997	7
1. Это была птица, большая птица — гриф?	9
2. Следите за языком, мистер Шарма	18
3. Да что осталось терять-то?	42
ДИК/ХА/ГШ/1947(1)	59
4. Все ли было в порядке?	71
5. Список ваших страхов, мистер Шарма	79
6. Надо было правильно рассчитать время	92
7. Проблемы с сердцем	106
ДИК/ХА/ГШ/1947(2)	121
8. Письмо из Пакистана	128
9. Поймать тигра за палец	140
10. Нужно возвращаться домой	152
11. Он учится у отца	176
ДИК/ХА/ГШ/1947(3)	187
12. В экстренной ситуации	200
13. Не время медлить	214
14. Она смеялась, как раньше	230

ДИК/ХА/ТШ/1977(4).....	255
15. Горка серого пепла, облако зловонного дыма. . .	264
16. Покой?	271
17. Настоящее — лишь выдумка.	292
18. Человек действия	303
ДИК/ХА/ТШ/1987(5).....	313
19. Хитрый план	323
ДИК/ХА/ТШ/1987(5).....	343
20. У нее глаза Ма.	350
21. Этот сын совы.	378
22. Теперь мы наконец-то повзрослели.	393
Благодарственное слово	411

Для Индраны

Хорошо, хорошо, готов молчать. Я буду молчаливой галлюцинацией.

Михаил Булгаков
«Мастер и Маргарита»

Дели, 1997

Это была птица, большая птица — гриф?

Он знал, едва открыв глаза, что Ма ушла. Тетя Рина была на кухне, он понял это по грохоту посуды в раковине. Ма не допустила бы такого шума, такой громкой речи. Он не слышал, как отец бормочет молитвы перед утренней пуджей*, и не чувствовал запаха палочек агарбатти, каждое утро встречающих его приторно-сладким дымом. Амма** в своей комнате тоже молчала, как молчала всегда, примостившись на краю кровати и пытаясь уловить голос Ма, чтобы начать ее звать. Но Ади узнал, что Ма ушла, раньше, чем до него дошло все это.

Он понял по тому, как изменилось магнитное поле, по тому, как ощущалось собственное тело — напряженное и беспокойное, нывшее так, будто лишилось какого-то важного органа. Он выудил из-под подушек «Ка-

* Пуджа — один из главных обрядов поклонения и почитания в индуизме.

** Бабушка.

сио», нажал кнопку, и часы вспыхнули сине-зеленым светом, ярким, как сон наяву, так что пришлось прищуриться. Ему вспомнился планктон, которого он видел на канале «Дискавери», морские муравьи, мерцавшие тем же оттенком синего. Флуоресцентный планктон, вот как он назывался. Или люминесцентный?

Сев в постели, он покачал головой и постарался сосредоточиться. Было девять часов двадцать четыре минуты — слишком поздно, чтобы в доме стояла такая тишина, даже в воскресенье. Он оглядел гостиную, пытаясь найти ключ к разгадке, но, казалось, все было на своем месте. Журнальный столик, вытертый от разводов, четыре деревянные подставки на нем, выстроенные в идеальный квадрат, все его книги, аккуратно расставленные на полке внизу, как расставляла их Ма каждый вечер, часто когда он уже спал.

С тех пор, как однажды вечером, несколько месяцев назад, появилась Амма и заняла его комнату, он спал на диване снаружи. Он любил свою узкую кровать в гостиной, прямо перед большим кулером — там можно было смотреть телевизор без бликов лампы. Но Ма сказала, что это временно. Она дала понять, что он не навсегда лишился своей комнаты.

Каждый вечер она храбро сражалась с беспорядком, который он устраивал, — собирала комиксы и тетрадки с брошенными на середине предложения домашними заданиями, убирала забытые и оставленные на столе стаканы из-под апельсинового сока, уносила все, что принес с собой день, чтобы привести гостиную в порядок, который был при Ма. То же самое повторилось

Remember, Mr. Sharma

и вчера, так что, может быть, он ошибся. Может быть, Ма просто впервые в жизни проспала все утро?

Небо, жаждущее муссона, было в огне. Солнце уже белело сквозь тонкие занавески, и когда утренний туман рассеялся в сознании, он начал вспоминать события вчерашнего вечера. Он надеялся поговорить с Ма после ужина, но между родителями что-то вспыхнуло и дверь их спальни захлопнулась.

За много лет практики он развил особый навык, можно сказать суперспособность — настраивать слух так, чтобы разобрать шепот за стеной. Но в гостиной грохотал большой кулер, и услышать родителей было трудно, а если кулер выключить, это может вызвать подозрение, так что он сдался. Все равно их ссора наверняка была такой же, как все те, которые он слышал в детстве: отец вновь разглагольствовал об индийских семейных ценностях и иностранных агентах, обвиняя Ма, что та воспользовалась его добродушием, предала касту и религию. В ответ Ма ни разу не повысила голос, лишь порой, когда ее терпение подходило к концу, спокойно напоминала ему сквозь стиснутые зубы, что может уйти в любой момент. Отец часто смеялся над этим, но какой бы нелепой ни казалась угроза, обычно после нее ссора и заканчивалась.

С появлением Аммы спокойная сдержанность Ма будто треснула, и сквозь эту трещину Ади разглядел ярость, которая бурлила и пузырилась, как река клокочущей магмы.

Он пытался не обращать внимания, надеясь, что все уляжется само собой, но вчера вечером в голосе

Ма появились новые нотки, новая дерзость, какой он раньше не слышал. Это был не вопль, не вой, не зов о помощи. Это был боевой клич. На этот раз, когда она выкрикнула свою обычную угрозу, он повернулся к стене, крепко зажмурил глаза и твердо решил не спать, но все-таки уснул.

Он пошел в спальню родителей. Дверь была заперта. Стучать он не стал.

— Где Ма?

Отец еще лежал в постели, распластавшись на спине, прикрыв глаза рукой, отчего вид у него был растерянный. Он не побрился, не принял душ, не переделся в шафрановую курту* — раньше он все это проделывал еще до шести часов, до утренней пуджи. Он пошевелил пальцами ног и вздохнул, натянув животом рваный жилет, но ничего не ответил.

Волосы на его груди и под мышками по большей части поседели, в отличие от темного полукруга, окаймлявшего сияющий купол его головы. И снова Ади вспомнил, насколько старше его родители, по сравнению с большинством других, которых он видел на родительских собраниях в школе.

— Где Ма? — повторил он, вздрагивая от звука собственного голоса, пронзительного, как хныканье. Он всегда боялся, что голос сорвется, и изо всех сил старался этому противостоять, кашляя в ванной до боли в горле или разговаривая с Ма тихим, рычащим шепо-

* Традиционная одежда, свободная рубашка, доходящая до колен.

Remember, Mr. Sharma

том, отчего она хмурилась и щупала его лоб. Но сейчас голос предал его, не смог скрыть трещины, которые распространялись под кожей, расплзаясь веером по телу быстрее, чем он мог их остановить. Очки Ма у кровати, ее темно-бордовая сумочка, висевшая на двери, тихое позвякивание ее браслетов — все пропало.

Взглянув на кровать, увидев неглубокую вмятину, оставленную телом Ма, он кое-что вспомнил. Это было давно, еще когда он учился в третьем классе. Однажды он проснулся, уже опоздав в школу, а отглаженная школьная форма не лежала на столе, как обычно. Он зашел в комнату родителей и увидел, что отец совершает утреннюю пуджу, а кровать выглядит точно так же, как и сейчас, — как целый мир, покинутый в спешке. Теперь он вспомнил удушающую тяжесть отсутствия Ма, дни, которые тянулись как месяцы, и ночи, полные вопросов, оставшихся без ответа. Он помнил мельчайшие детали — холодные, черствые обеды, ланч-бокс с купюрой в пять рупий вместо еды, хихиканье, которое вызывала в школе его неглаженная форма. И больше всего помнил молчание отца.

В конце концов Ма все-таки вернулась, и он упаковал воспоминания и выбросил прочь, чтобы никогда больше к ним не прикасаться. Теперь он понял, что воспоминания работают не так. Их можно прятать в самые глубокие, самые темные уголки разума, можно бросить на дно Марианской впадины, на глубину одиннадцать тысяч тридцать четыре метра, но достаточно было вида перевернутой подушки, запаха талька

на простынях, и они возвращались в одно мгновение. Как ни старайся забыть, кости все помнят.

Он рухнул на кровать рядом с отцом и зарылся лицом в постель, хранившую запах мамы. Крепко сжал губы, чтобы заглушить крик, идущий из глубины груди, но не мог так же крепко сжать плечи. Он ждал прикосновения любящей руки к волосам, слова, шепота, вдоха. Ждал, и скоро слез уже не осталось.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит на диване в гостиной, а тетя Рина вновь стучит кастрюлями и сковородками на кухне. На миг он подумал, не приснилось ли ему все это, но дом по-прежнему был пуст, он чувствовал это в густом душном воздухе. Ма все еще не было, и уже почти стемнело. Он попытался вспомнить, ел ли он. Видимо, да, потому что есть совсем не хотелось. Поскольку гостиная была в первоначальном виде, он предположил, что отец не выходил отсюда целый день. Он задумался, накормили ли Амму — это была работа Ма, потому что Амма не позволяла тете Рине себя кормить, но он не мог задать этот вопрос, только не сегодня.

— *Чхотэ-сахиб?* — позвала тетя Рина, стоя на краю гостиной, слегка согнув спину в вечном поклоне.

— Да, что такое? — Он терпеть не мог, когда она называла его *маленьким господином*. Неужели не видела, что он уже выше нее ростом?